

Научная жизнь

Внутренняя и внешняя политика КНР: продвижение реформ и глобального влияния. 26-й международный симпозиум Ассоциации китайских политологических исследований в Сан-Хосе

22—23 августа 2013 г. в столице Коста-Рики городе Сан-Хосе состоялся 26-й ежегодный международный симпозиум Ассоциации китайских политологических исследований (Association of Chinese Political Studies, ACPS)¹. Ассоциация была организована в 1986 г. осевшими в США китайскими политологами и международниками как площадка для взаимодействия между китаеоведами Китая и Америки и как канал связи китайской академической диаспоры в США с коллегами на родине. За время своего существования Ассоциация стала крупнейшей в своем роде организацией по изучению Китая, насчитывая около 1000 ученых из Австралии, Бразилии, Франции, Китая, США, Англии и России. Вот уже 26 лет ACPS проводит свои ежегодные конференции в разных городах мира, нередко приурочивая их к каким-либо значимым политическим событиям. Так произошло и в Сан-Хосе, куда незадолго до конференции, 3 июня, приезжал для переговоров с президентом Коста-Рики Лаурой Чинчильей Си Цзиньпин, заявивший, что «отношения КНР с Коста-Рикой могут стать парадигмой дружеского сотрудничества между странами разных размеров и различных условий»².

26-й симпозиум в Сан-Хосе стал первой конференцией ACPS в Латинской Америке. Организатором выступил Университет Коста-Рики совместно с Институтом Конфуция в Коста-Рике. На открытии конференции выступили декан факультета общественных наук Университета Коста-Рики Франсиско Энрикес, ректор этого университета Хеннинг Дженсен и президент ACPS Джон Кеннеди из Канзасского университета (США). Выступающие отметили возрастающий интерес КНР к сотрудничеству со странами Латинской Америки, в частности с Коста-Рикой, и наличие ответной заинтересованности со стороны руководства страны. Говорилось о возможности открытия в Сан-Хосе международно-го центра по изучению и продвижению Китайско-латиноамериканских отношений.

Работа конференции проходила по восьми тематическим секциям, посвященным проблемам легитимности власти в КНР, потенциальной роли конфуцианства в обновлении идеологии страны, политэкономии развития Китая, латиноамериканской политики КНР, демократизации политической системы Китая, взаимодействию Китая с приграничными государствами, а также вопросам местного самоуправления и социальным реформам. Сравнительно небольшое число участников (30 человек) позволило превратить каждую секцию в дискуссионный клуб.

С первым научным докладом «Китайская политическая мудрость: необходимость в авторитарном правлении» на секции, посвященной вопросам легитимности ки-

тайской власти и роли конфуцианства в модернизации политической системы КНР, выступил профессор Го Баоган (Далтон колледж, США). Профессор Го поднял вопрос о том, какой тип демократии наиболее подходит Китаю. Докладчик выделил две основные концепции демократии: “западную либеральную модель”, подчеркивающую естественные права, индивидуальные свободы и конституционализм, и “консенсусную демократию”, подразумевающую согласованность и гармонию между различными группами.

Профессор Го полагает, что идеальный сценарий для Китая — это смешанная модель, которая примирит в себе различные стили и формы правления и объединит элементы первой модели (индивидуальные права, верховенство закона и т.д.) с элементами второй (гармония, консенсус, общность интересов). Для того, чтобы более точно определить смешанную модель, Го Баоган предлагает разбирать классические китайские учения и дешифровать содержащиеся в них идеи о правительстве, политической легитимности, этике и законе. В качестве примера приводятся концепции *вандао*, *дадао* и *бадао*, которые смогут объединить добродетель, нравственность и верховенство закона и права. Идеальная модель должна основываться на законности, но в то же время и на правлении добродетели. Докладчик утверждает, что изучение китайской политической традиции крайне актуально, поскольку оно может помочь сформулировать необходимую концепцию смешанной модели демократии.

Другой выступающий, профессор Хэ Ли (колледж Мерримак, США), в докладе “Китайский интеллектуальный дискурс о неоконфуцианстве и его влияние на современную политику Китая” раскрыл подходы различных исследователей конфуцианства к возможной политической реформе КНР. Прежде всего, было отмечено, что в настоящее время в Китае наблюдается возрождение интереса к конфуцианству как к источнику идей, необходимых для идеологической и политической модернизации. Докладчик в этой связи выделил четыре основные школы: “политическое конфуцианство” в лице исследователя Цзян Цина; “неоконфуцианство”, представленное Кан Сяогуаном; “новые левые” в лице Цань Яна и “либералы” в лице Яо Чунью. Все четыре школы признают важность конфуцианства и подчеркивают его актуальность для политической трансформации КНР. С практической точки зрения, наибольший интерес представляет “политическое конфуцианство” Цзян Цина, который утверждает, что как либеральная демократия, так и марксизм дают неприемлемый для Китая вариант политического устройства. В качестве альтернативы ученый предлагает “конфуцианскую конституцию” (или “институциональное конфуцианство”), согласно которой Китаю необходим трехпалатный парламент, гарантирующий три основных типа легитимности. Так, “палата исключительных персон” (*тунжжюань*) являлась бы источником духовной легитимности; “палата народа” (*шуминьюань*) была бы источником общественной легитимности; “палата государства” (*готиюань*) гарантировала бы культурную легитимность. При этом представители *тунжжюаня* должны занимать должности с помощью системы рекомендаций и номинаций. Представители *шуминьюаня* должны избираться в ходе всеобщих национальных выборов. Представители *готиюаня* должны наследовать посты или же назначаться. Любой законопроект, чтобы стать законом, должен получить поддержку как минимум двух палат. По мнению Цзян Цина, такая система гарантировала бы нужные сдержки и противовесы и в то же время имела бы больше легитимности по сравнению с либеральной демократией, где решения правительства отражают только волю народа.

Профессор Чжан Ванфа (Технологический институт штата Флорида) в докладе “Китайская мечта и новая теория политической легитимности КПК” представил интересные рассуждения о важности идеологии в обеспечении легитимности политического режима. Докладчик уверен, что для гарантии долгосрочной легитимности КПК одного лишь экономического успеха недостаточно. Необходимо новое идеологическое строительство, что становится особенно актуальным на фоне рассуждений Си Цзиньпина о “китайской мечте”. В качестве нового идеологического бренда профессор Чжан предлагает “Конфуци-

анство” — симбиоз коммунистического наследия и конфуцианской культуры. Чжан выделяет шесть основных признаков компфуцианства: политический авторитаризм, понимаемый как власть и благородство КПК; этатизм в экономике, подразумевающий контроль и регулирование экономики; общественный либерализм и морализм, т.е. наличие свободы в обществе и главенство моральных ценностей над правом; культурный национализм, выражающийся в популяризации истории Китая; военный пацифизм как отказ от применения силы во внешней политике; дипломатический нейтрализм, означающий сбалансированные отношения со всеми странами. Набор подобных, пусть даже противоречивых, установок, убежден Чжан, способен приблизить реализацию “китайской мечты”.

На секции, посвященной политэкономическим аспектам китайских реформ, Чжан Сяобо (Юго-западный университет финансов и экономики, КНР) представил доклад “Эмансипация китайской модели развития от парадигмы роста”, в котором предпринял попытку вновь ответить на не вполне новый вопрос о специфике китайской экономической модели. Презентующий пытался показать, что ни одна из основных интерпретаций успешного развития Китая, а именно “западно-центристский подход”, приписывающий экономический рост КНР внедрению капиталистических элементов, и “восточная модель”, указывающая на имитацию Китаем моделей развития других успешных азиатских стран, не может в полной мере отразить природу китайских экономических реформ. Чжан считает, что в Китае сложилась особая модель, характеризующаяся четырьмя факторами. Во-первых, Китай пытается построить рыночную экономику с диверсифицированной структурой собственности путем сохранения доминирования государственного сектора при одновременном стимулировании частных форм собственности. Во-вторых, необходимым условием поставленной во главу угла экономической модернизации является политическая стабильность. В-третьих, КПК трансформируется в ориентированную на результат экономическую структуру. В-четвертых, для китайской модели характерно экспериментирование на местах с одновременным улучшением координации между центральным и региональными правительствами; связка “центр — регионы” крайне важна для понимания китайской модели из-за больших территорий Китая.

В том же политэкономическом русле прозвучал доклад Джун Парк (Бостонский университет) на тему “Разрешение ‘трилемы’ открытой экономической политики — китайская повестка финансовых реформ”. Под “трилемой”, в данном случае, понимается невозможность в контексте экономического курса открытости одновременно сохранять режим валютного курса, гарантировать свободное движение капитала, сохранять автономию денежно-кредитной политики государства. По мнению докладчика, одним из этих условий придется пожертвовать. Таким образом, понимание природы “трилемы” в экономике КНР позволит лучше понять, с чем страна может столкнуться в будущем в процессе открытия рынков капитала. При этом докладчик также подчеркнула, что для полной открытости Китаю необходимы более открытый режим управления, уменьшение теневых секторов банковской системы, а также интернационализация юаня.

На секции, посвященной китайско-латиноамериканским отношениям, интересно прозвучал доклад исследователя Антонио Цяна (институт Чжили, Тайвань) на тему “АТР — новая арена для КНР, США и Латинской Америки”. Основной акцент был сделан на политических аспектах инициируемого Америкой Транс-Тихоокеанского партнерства, а именно на треугольнике отношений между Латинской Америкой, США и КНР.

Цян отмечает, что в период начала экономических реформ в Китае торговый оборот страны с Латинской Америкой был незначителен. Сейчас он вырос в сто раз и превысил 100 млрд долл. При этом значительных изменений в объемах торговли стран Латинской Америки с США не наблюдалось. Такое сравнительное увеличение роли Китая меняет конфигурацию влияния в регионе. В то же время латиноамериканские страны, продолжая развиваться и не желая оставаться младшим партнером США, стали уделять все большее внимание китайскому (а также индийскому и российскому) направле-

ниям. Все это происходит на фоне долгосрочной тенденции постепенного спада общего влияния США, что в значительной мере осложняет ситуацию и ставит вопрос: достаточно ли велик АТР, чтобы вместить интересы США и КНР? Этот вопрос заставляет Штаты предпринимать меры по усилению своей роли и активному сдерживанию конкурентов. Докладчик подчеркивает, что на это как раз и нацелен проект Транс-Тихоокеанского партнерства, подразумевающий укрепление связей США с Чили, Перу, Мексикой, куда Китай приглашен не был. Китайские аналитики утверждают, что главной целью политики США является сдерживание КНР, и обвиняют Америку в воспроизводстве холодной войны. Профессор Цян убежден, что Латинская Америка в такой ситуации должна использовать противостояние КНР и США и наращивать объемы торговли с обеими странами, избегая экономической или политической вражды.

Профессор Чжэн Шипин (Университет Бенгли, США) выступил с докладом “Благоприятный эффект ‘плохих соседей’: источник возрастающей уверенности КНР”. Докладчик отметил, что в то время как руководители большинства стран не могут гордиться современным состоянием и перспективами развития своих стран, в Китае уверенность на официальном уровне все более очевидна. Достаточно взглянуть на риторику XVIII съезда КПК, где было заявлено, что партия “должна быть абсолютно уверена в выбранном пути, в своих теориях и существующих институтах” — *даогу цзисинь, лилунь цзисинь, чжиду цзисинь*. Это происходит вопреки возрастающим экономическим, политическим и социальным проблемам, с которыми сталкивается Китай. Что же служит источником китайской “уверенности”? Чжан Шипин полагает, что уверенность происходит не от того, насколько хорошо Китай выступает по абсолютным показателям, а от того, как страна выглядит по отношению к своим соседям, особенно если ситуация у соседей не так хороша, как ожидалось. В этом и заключается “эффект соседствующих стран”.

Докладчик сравнивает Китай с тремя соседями: Японией — самой развитой экономикой Азии и историческим соперником КНР; Россией — источником вдохновения для китайской революции в 1920-х годах, моделью индустриализации в 1950-х и отрицательным примером для сравнения при оценке реформ в 1990-х; и Индией, представляющей альтернативную модель развития. Для сравнения были выбраны такие показатели, как: 1) индекс государственной эффективности; 2) индекс экономической уверенности; 3) индекс инвестиционной привлекательности; 4) количество умышленных убийств; 5) индекс равенства полов; 6) индекс конкурентоспособности; 7) показатель туристической привлекательности. Сравнение показало, что Китай обходит либо догоняет конкурентов по большинству критериев. Среди сравниваемых стран Китай лидирует по показателям 2, 3, 6, и занимает второе место по всем остальным показателям. Япония, как и Китай, лидирует по трем показателям (1, 4, 7), но при этом показывает худшие результаты также по трем показателям (2, 3 и 6). Россия лидирует только по одному 5-му показателю и является худшей по трем (1, 4, 7) тогда как Индия не лидирует ни по одному из показателей, занимает второе место по двум (2, 3), третье по четырем (1, 4, 6, 7) и является худшей по одному (5). Индия, таким образом, не превосходит Китай ни по одному из выбранных индикаторов. Подобные результаты меняют тон разговоров об успехах КНР. Так, в сравнении с Японией главным вопросом становится не то, насколько Япония впереди Китая, а то, в каких областях разрыв между двумя странами стремительно сокращается, и в каких Япония отстает. Россия, когда-то образец для подражания, стала антипримером. При сравнении с Индией вопрос десятилетней давности о том, когда Индия догонит Китай, теперь стал вопросом о том, насколько сильно Индия отстает от Китая. Таким образом, несмотря на то, что Китай сталкивается с целым рядом проблем, сравнение с соседями позволяет руководству КНР подкреплять свою уверенность в правильности взятого курса.

На секции, посвященной социальному развитию Китая, аспирантка Колумбийского университета Сянь Хуан выступила с докладом “Региональная политэкономия и

реформа социального сектора в КНР”. Было отмечено, что покрытие медицинского страхования в КНР значительно расширилось за 2002–2009 гг., но при этом наблюдается колоссальное неравенство в распределении средств. Средства, идущие на медицинскую страховку работающего в городе гражданина, могут в 14 раз превышать объем страховки деревенских жителей. Таким образом, как продемонстрировала докладчик, впечатляющее расширение покрытия медицинского страхования и возросшее число различных типов страховок полностью воспроизвели существующее в КНР социально-экономическое и региональное неравенство.

Почему не удастся сократить неравенство и что предопределяет распределение средств в Китае? Для поиска ответа на этот вопрос Сянь Хуан обращается к политэкономическим исследованиям, согласно которым целью любого авторитарного режима является гарантия выживания. Поскольку опасность устойчивости режима может исходить как от масс, так и от элит, власть должна учитывать интересы тех и других. В Китае, по мнению докладчика, особую важность для стабильности существующего режима имеет сохранение значительных социальных гарантий привилегированным группам при предоставлении гораздо более скромного социального обеспечения основной массе населения. Для того, чтобы такой механизм работал, Китаю необходимы особые институты делегирования власти местным элитам. Такие институты, по мнению Сянь Хуан, в Китае существуют в виде комбинирования децентрализованной налоговой системы с достаточно жесткими механизмами контроля над управленцами на местах. За счет такого механизма разделения власти между центром и регионами формируется оптимальная система управления. В этой системе центральные власти, с одной стороны, поддерживают местные элиты, предоставляя им полномочия по формированию программ социального обеспечения на местах. С другой стороны, поскольку главным критерием оценки деятельности местных властей является сохранение стабильности в регионе, центр вынуждает местные власти предоставлять социальные гарантии, минимально удовлетворяющие базовые нужды населения, и таким образом сохранять социальную стабильность. Докладчик заключает, что сложившаяся модель неравномерного социального обеспечения — это результат сознательной политики, нацеленной на сохранение стабильности. Система щедро кормит элиты, но в то же время отводит потенциально исходящую от масс угрозу, отзываясь на базовые социальные нужды населения.

На секции, посвященной вопросам гражданского участия в политическом процессе в Китае, Александр Королёв (НИУ-ВШЭ, ИДВ РАН, Россия) представил доклад “Возрождение ‘массовой линии’ в процессах публичной политики в современном Китае”. Докладчик показал, что так называемая “массовая линия” — некогда революционная тактика появляется вновь, но не как инструмент распространения коммунистической идеологии, а как эффективный способ публичной политики. Разрабатывая концепцию “новой массовой линии”, А. Королёв отметил, что этот популярный в революционные годы метод общения с массами содержит в себе целый ряд практических инструментов, способных повысить эффективность политического процесса и вне революционного контекста. На примере реформы здравоохранения было показано, что “очищенная” от марксизма и революционной риторики «массовая линия» становится эффективной стратегией интеграции предпочтений разных социальных групп в политическую повестку. Это, в свою очередь, делает политическую систему современного Китая более восприимчивой к нуждам населения.

Со схожей тематикой “Оценка ‘массовой линии’ и взаимодействия чиновников с населением” выступил президент ACPS, профессор Джон Кеннеди (Канзасский университет). Докладчик считает, что, несмотря на настойчивые попытки КПК использовать «массовую линию» как средство взаимодействия между чиновниками на местах и населением, в последние двадцать лет наблюдается ухудшение коммуникации между массами и чиновниками. Подобный вывод основан на анализе соцопросов жителей деревень и

чиновников деревенского, волостного и уездного уровней для определения содержания и характера предпочтений населения и того, насколько они принимаются во внимание на официальном уровне. Проводимое исследование показало, что «массовая линия» не стала эффективным методом выражения и агрегирования общественных предпочтений из-за отсутствия скоординированных действий со стороны чиновничьего аппарата. Для повышения эффективности «массовой линии» как средства “связи” между государством и обществом докладчик предлагает изменить технику сбора информации о нуждах населения и сделать обязательные контакты чиновников и масс более частыми.

На церемонии закрытия конференции состоялась беседа с директором института Конфуция в Сан Хосе, а также было объявлено, что следующая конференция ACPS пройдет в США в Канзасском университете.

© 2014

*А. Королёв,
PhD, профессор Отделения Востоковедения НИУ-ВШЭ,
старший научный сотрудник ИДВ РАН.*

1. URL: <http://www.acpsus.org/welcome>.
2. “President Xi Jinping Holds Talks with Costa Rican President Laura Chinchilla, Stressing China-Costa Rica Relationship Can Absolutely Be Paradigm of Friendly Cooperation between Countries of Different Sizes and Different Conditions”. Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx/t1047483.shtml>.

Формирование азиатских исследований: геополитика, институты и исследовательские сети

С 18 по 20 ноября 2013 г. в Лейдене (Нидерланды) прошла конференция на тему «Формирование азиатских исследований: геополитика, институты и исследовательские сети». Конференция была организована Международным институтом азиатских исследований (*International Institute of Asian Studies, IIAS*) совместно с сингапурским Институтом изучения Юго-Восточной Азии (*Institute of Southeast Asian Studies, ISEAS*).

Институт изучения Юго-Восточной Азии известен своими исследованиями как политических, экономических, социокультурных процессов, происходящих в отдельных странах региона, так и современных тенденций регионального развития. Международный институт азиатских исследований занимается междисциплинарными и сравнительными исследованиями Азии, а также служит организационной платформой для взаимодействия исследователей и академических институтов из разных стран мира. Структурно деятельность Института в настоящее время сконцентрирована на разработке трех программ, посвященных истории и современному развитию азиатских городов, глобальным процессам, в которые включена Азия, и изучению культурного наследия Азии. Ключевая идея всех реализуемых программ — посредством междисциплинарных исследований по-новому посмотреть на то, какую роль Азия и ее изучение играют в современном мире.

В духе данной идеи была организована и прошедшая конференция. Основные задачи, которые изначально ставили организаторы, заключались в том, чтобы проанализировать